

Н. Н. МОЛЧАНОВ

Генерал де Голль

<Фрагменты>

<...>

Де Голль уже собирался возвращаться на фронт, как его вызвали в Венсеннский замок, где находилась резиденция главнокомандующего генерала Гамелена. Здесь царило спокойствие... Гамелен, давний противник идей и планов де Голля, любезно сообщил ему о решении назначить его командиром 4-й танковой дивизии. Это было лестное назначение для полковника. Правда, дивизия еще не существовала; ее предполагалось сформировать лишь к 15 мая. Де Голль поблагодарил, но высказал свои опасения по поводу бездействия французской армии и близости германского наступления. «Я понимаю ваше удовлетворение, — сказал Гамелен. — Что же касается вашего беспокойства, то для него, по-моему, нет никаких оснований».

Беседа с командующим не избавила де Голля от сознания обреченности французской армии. Через пять недель его худшие опасения оправдались самым ужасным образом.

В начале мая Гамелен приказал направить лучшие силы французских и английских войск далеко в глубь Бельгии. 10 мая немцы внезапно нанесли страшный удар в брешь, образовавшуюся между основными силами союзников и французскими оборонительными линиями. 10 бронетанковых и 6 моторизованных дивизий устремились на запад, легко пройдя Арденны, которые Петэн считал непроходимыми. Это был всеокрушающий натиск бронированной лавины, движение которой очень напоминало описанные де Голлем в книге «За профессиональную армию» действия ударных танковых сил. Да, все происходило именно

так, только делали это не французские, а германские войска. На четвертый день наступления немцы пересекли французскую границу. Танковый корпус генерала Гудериана 14 мая форсировал реку Маас и, повернув вправо, устремился к Ла-Маншу. 20-го он достиг побережья, перерезав коммуникации основных сил союзников, оставшихся в Бельгии. Немцы, потеряв всего 60 тысяч своих солдат, захватили в плен свыше миллиона человек и заставили британскую армию в панике эвакуироваться.

<...>

26 апреля де Голль получил приказ принять командование 4-й бронетанковой дивизией, которую спешно формировали из разрозненных частей. 15 мая начальник штаба генерал Думенк изложил де Голлю боевое задание: он должен был со своей дивизией действовать самостоятельно в районе Лаона, немного севернее Реймса, так, чтобы дать возможность соединиться дивизиям 6-й армии для прикрытия Парижа. Де Голль спросил: «Почему вы не объедините четыре дивизии в один блок?» «Потому, — ответил скорбно Думенк, — что я располагаю только вашей дивизией, да и то если она сможет сформироваться вовремя».

Затем де Голля принял командующий северо-восточным фронтом генерал Жорж, который также был в подавленном состоянии. «Приступайте к делу, де Голль! — сказал он. — Для вас, уже давно высказывавшего идеи, которые осуществляет противник, представляется возможность действовать».

Уходя, де Голль чувствовал, что «надежда иссякает и что пружина уже лопнула». Он устремляется в Лаон, сразу изучает местность, располагает свой командный пункт и собирает разрозненные подразделения, прибывающие в его распоряжение. Все происходит в обстановке невероятной сумятицы, замешательства, беспорядка. Жизнь страны уже нарушена, дороги запружены беженцами, дезорганизованными толпами французских солдат. Это был разгром. <...>

<...>

Это было 16 мая 1940 года. Де Голль принял решение любыми средствами начать на другой день наступление на северо-восток от Лаона в направлении Монкорне, чтобы перерезать узел дорог и не дать противнику подойти к позициям, которые должна была занять 6-я армия. На рассвете де Голль получил подкрепление — три танковых батальона. Присоединив их к остальным частям, де Голль двинул свою дивизию вперед. Опрокидывая немцев, она

продвинулась на 20 километров и подошла к Монкорне. Но взять город путем форсирования реки Сер де Голлю не удалось. Его дивизия подверглась жестокому артиллерийскому обстрелу. «Юнкерсы» непрерывно атаковали и бомбили ее. Однако боевая задача прикрытия была выполнена, и в ночь с 18 на 19 мая де Голль отводит войска обратно к Лаону. Его наспех организованная дивизия испытывает острый недостаток во всем. Нет артиллерийского прикрытия, нет поддержки с воздуха, нет радиосвязи и приходится по старинке использовать связных. И тем не менее на рассвете 19 мая полковник де Голль снова бросает дивизию в наступление, теперь уже на север от Лаона. Де Голль подходит к реке, на другом берегу которой были главные силы немцев с тяжелой артиллерией. Они легко уничтожали французские танки, пытавшиеся подойти к переправам. Без поддержки артиллерии, авиации и пехоты перейти водный рубеж было нельзя. Дивизия де Голля оказалась на фланге танкового корпуса генерала Гудериана, повернувшего после прорыва французского фронта к морю...

Судьба столкнула Де Голля почти лицом к лицу с генералом Гудерианом, считавшимся в Германии энтузиастом массового применения танков. Он написал книгу «Внимание, танки!», которая явилась как бы немецким вариантом, впрочем самостоятельным, книги де Голля «За профессиональную армию». А ведь между двумя поклонниками танков могла бы, произойти, своего рода личная дуэль! Увы, как ни мечтал де Голль, такого поединка не получилось. У него была слишком короткая шпага, чтобы помешать Гитлеру вонзить германский меч в самое сердце Франции.

<...>

Немецкие танки, самоходные орудия и пехота при поддержке артиллерии и авиации перешли через реку Сер и начали наступать на дивизию де Голля. Во второй половине дня, когда 6-я армия уже успела развернуться, де Голль получил приказ об отступлении. С тяжелыми боями, неся большие потери, он отходит и располагает дивизию на ночь с 19-го на 20-е около Лаона. На другой день он движется дальше к югу, пробиваясь среди наступавших немецких частей.

Действия де Голля в боях под Лаоном не могли, естественно, оказать большого влияния на ход событий. Тем не менее можно констатировать, что в качестве командира дивизии полковник де Голль оказался на высоте положения. Большого достичь было просто невозможно...

Но после отступления дивизия 22 мая двинулась на запад и вела там новые бои. За пять суток она прошла 180 километров и заняла позиции к юго-востоку от города Абвиля, расположенного на реке Сомме, вблизи побережья Ла-Манша. Опираясь на Абвиль, немцы создавали плацдарм для дальнейшего наступления. Де Голль получил приказ ликвидировать укрепленный район Абвиля. В 6 часов вечера 27 мая дивизия в составе 20 тысяч человек, имея 140 танков и шесть пехотных батальонов, при поддержке шести артиллерийских дивизионов, пошла в атаку. С наступлением ночи был взят первый рубеж обороны противника. Немцы отступили, бросив большое количество техники и снаряжения. Вместе со своими офицерами генерал де Голль обедал в поспешно оставленном немцами замке Юпи. На столе вместо скатерти было расстелено германское знамя со свастикой. Но эта победоносная обстановка лишь сильнее подчеркивала трагизм ситуации. Все понимали, что достигнут мелкий успех местного значения, являющийся случайностью на мрачном фоне разгрома Франции.

На рассвете 28 мая, в день, когда де Голль был произведен в чин бригадного генерала, 4-я дивизия возобновляет наступление. С правого берега Соммы по войскам де Голля ведет ожесточенный огонь тяжелая артиллерия, их непрерывно бомбит немецкая авиация. Потеряно около сорока танков, много сотен людей. «И несмотря на все, — вспоминает де Голль, — над полем сражения витал дух победы. Каждый высоко держал голову. Даже раненные улыбались. Казалось, что и орудия стреляют весело. В результате упорного боя немцы не выдержали и отступили». Дивизия де Голля отбросила немцев на 5 километров и находилась теперь на расстоянии 7 километров от Абвиля.

29 мая в 4 часа утра генерал де Голль бросает дивизию на штурм высоты Мон-Кобер, господствовавшей над районом Абвиля. Удалось ценой больших потерь занять склоны высоты, но ее гребень по-прежнему оставался в руках немцев. Правда, две их контратаки были успешно отбиты. За три дня тяжелых боев дивизия оттеснила противника на 14 километров. От абвильского плацдарма у немцев осталась одна четверть его прежней площади. Но дивизия понесла страшные потери. В строю оставалось только 34 танка.

В ходе всех этих боев генерал де Голль держался в точном соответствии с теми нормами поведения военачальника, которые он изложил в книге «За профессиональную армию». Это значит,

что он не сидел, укрывшись на командном пункте, а непрерывно находился в центре боя. Не выпуская изо рта сигарету, не склоняясь под огнем, одетый в тужурку рядового танкиста без знаков отличия, он был виден отовсюду. С холодным спокойствием генерал руководил сражением, хорошо сознавая всю его бессмысленность. <...>

1 июня 1940 года де Голль явился в замок Монтри к новому главнокомандующему генералу Вейгану, сменившему отстраненного 20 мая Гамелена. Энергичный маленький генерал с крепко сжатыми тонкими губами, которого де Голль знал еще со времен польской кампании 1920 года, выглядел озабоченным. Он поздравил де Голля с успехом абвильской операции и спросил его мнение по поводу использования еще оставшихся у французов 1200 современных танков. Де Голль предложил объединить их в две ударные группы, которые смогли бы наносить эффективные удары по наступающим немцам. Но Вейган не выразил энтузиазма в отношении этого плана. Указав, что против французов действуют в два раза больше дивизий, он заявил, что считает положение безнадежным. Генерал перечислил затем ряд совершенно невыполнимых условий, при которых могли бы быть шансы на успех. «В противном случае!..» — добавил Вейган и замолчал, не желая произносить вслух слово «капитуляция». Но де Голлю и так все стало ясно. В подавленном состоянии он ушел от Вейгана, думая о том, что, назначив главнокомандующим этого человека, никогда не имевшего опыта командования, «пошли на самый отчаянный риск за всю нашу военную историю».

В своих мемуарах де Голль подробно размышляет о недостатках Вейгана как военачальника, об отсутствии у него решительности, самостоятельности, особой страстности и т. п. Ни слова не говорит он только об одном, что в сущности было самым главным: о лютой ненависти Вейгана к народу и его симпатиях к фашизму, о его патологическом страхе перед революцией. Поэтому Вейган предпочитал выдать Францию врагу, но не допустить перехода руководства в борьбе с фашизмом в руки демократических и революционных сил. А это могло быть весьма вероятным ходом событий. Вместе с Петэнном, который 18 мая был введен в состав правительства Рейно, Вейган стремился предотвратить их, даже ценой позорной капитуляции и утраты независимости Франции.

5 июня немцы возобновили наступление. Рейно в связи с этим проводит новую перетасовку своего кабинета, в результате которой позиции сторонников прекращения войны еще более укрепляются. Однако изворотливый Рейно хотел на всякий случай иметь в своем кабинете и представителей противоположной тенденции. Поэтому на пост заместителя военного министра был назначен генерал де Голль. Ему сообщил об этом инспектор танковых войск генерал Делестрен¹, услышавший новость по радио. Получив официальную телеграмму, подтверждавшую назначение, де Голль немедленно выехал в Париж.

Знаменательно, что назначение де Голля на один из незначительных постов в совете министров вызвало, тем не менее, отклики даже в иностранной печати. Крупнейшая английская газета «Таймс» писала: «Наиболее интересным новшеством г-на Поля Рейно является назначение генерала де Голля, известного в военных кругах своими книгами... Этот человек правых тенденций является сильным теоретиком, пророком массового использования танков. Он обладает ясным и проницательным умом, одновременно воплощая в себе человека действия и мечты».

Была уже ночь, когда, прибыв в столицу, де Голль явился в военное министерство на улице Сен-Доминик, где ночевал премьер-министр. Маленький Рейно в цветной пижаме и огромный де Голль в кожаной форме танкиста беседовали почти до рассвета.

Генерал спросил, почему Петэн, явный сторонник прекращения войны, введен в состав правительства. «Лучше уж иметь его внутри, чем снаружи», — ответил Рейно, повторяя старый софизм Жюля Фавра², сказанный в 1870 году по поводу включения Рошфора³ в правительство «национальной обороны», оказавшееся вскоре правительством национальной измены. Только последнее в этой аналогии и оказалось верным...

«Боюсь, как бы вам не пришлось изменить точку зрения... — говорил де Голль. — Вам лучше, чем кому-либо, известно, до какой степени в правительственных кругах сильны пораженческие настроения. Это создает благоприятные условия для Петэна...» Новый член правительства предложил свой план продолжения войны, опираясь на североафриканские владения Франции, и выразил готовность заняться разработкой необходимых мероприятий. Рейно согласился и предложил де Голлю как можно скорее отправиться в Лондон, чтобы убедить Черчилля в намерении французского правительства продолжать борьбу любой

ценой, даже за пределами метрополии. Де Голлю поручено было также добиваться продолжения участия английской авиации в защите Франции, перевооружения и возвращения на континент английских войск, эвакуированных из Дюнкерка. Других средств усиления борьбы с врагом не предусматривали. Вообще в эти роковые для Франции дни происходило много странного и чудовищного. Сторонников поражения и капитуляции, то есть предателей, включали в правительство, в то время как коммунистов держали в тюрьмах. Чтобы отвлечь внимание от подлинной «пятой колонны», действовавшей в самом правительстве, развернули жестокую травлю коммунистов. А это еще больше подрывало способность Франции к сопротивлению захватчику. Ведь даже в армии каждый десятый солдат был коммунистом. И эти солдаты, не помышляя о капитуляции, умирали за Францию. В то время как правительство уже считало войну проигранной, народ думал иначе. В конце концов до 5 июня немцы заняли лишь самый северный угол страны, примерно одну пятнадцатую часть ее территории, значительно меньше, чем в 1914 году. Трудящиеся Франции справедливо считали, что война еще только начинается. Огромные силы народа еще не были исчерпаны, когда немцы начали наступать на Париж. 6 июня 1940 года руководство подпольной Французской коммунистической партии вручило правительству Рейно свои предложения об организации обороны Парижа путем вооружения народа и превращения Парижа в неприступную крепость. Партия предлагала изменить характер войны, превратив ее в национальную войну за независимость и свободу; освободить коммунистических депутатов и активистов, а также десятки тысяч рабочих, посаженных в тюрьмы или интернированных; немедленно арестовать вражеских агентов, которыми кишит палата, сенат, министерства и даже генеральный штаб. Компартия считала, что эти первые мероприятия вызвали бы народный подъем и позволили бы провести всенародное ополчение.

Рейно утаил от общественности содержание этого патриотического призыва. Его правительство помышляло о другом, хотя сам Рейно, используя де Голля и других патриотически настроенных членов кабинета, делал вид, что он за продолжение войны. В действительности, сохраняя Петэна в правительстве, а Вейгана на посту главнокомандующего, он фактически помогал им хоронить Францию. Они, уже совершенно не стесняясь,

говорили о своих намерениях. 8 июня генерал де Голль снова встретился с Вейганом. <...>

<...>

Генерал де Голль, считая бесполезным спорить с Вейганом, заявил, что взгляды командующего не соответствуют планам правительства, которое решило не прекращать борьбы. Вейган на это ничего не ответил и любезно попрощался с де Голлем. Пожалуй, он лучше знал о намерениях правительства. И действительно, когда де Голль после этого разговора предложил Рейно отстранить Вейгана, поскольку он примирился с мыслью о поражении, премьер-министр ответил, что сейчас этого сделать нельзя, но надо подумать о замене...

Де Голль сам не пренебрегал заботой о сохранении «порядка». Однако он считал, что это можно совместить с продолжением войны, которая может только способствовать преодолению противоречий внутри французского общества. «У нас есть народ, — думал де Голль, — который хотя и станет неизбежно жертвой вторжения, но тем не менее, верный своим республиканским принципам, не откажется от сопротивления: тяжкое испытание породит в нем дух единства».

«Могильщики» Франции от Вейгана до Рейно, в разной степени, естественно, были убеждены в опасности продолжения войны для сохранения социальной устойчивости. Де Голль в отличие от них не сомневался, что капитуляция ослабит позицию правящей элиты, подорвет социальную структуру, усилит возмущение народа, породит революционный подъем. Де Голль хорошо знал историю и помнил, что капитуляция перед пруссаками в начале 1871 года способствовала возникновению Коммуны. По мнению де Голля, продолжение войны против захватчика могло возродить в какой-то форме «священное единение» 1914 года.

Де Голль готовит план переброски в Северную Африку всего того, что оставалось у Франции для продолжения войны. Можно было рассчитывать на 500 тысяч солдат, внушительные остатки авиации, даже на несколько сот танков и особенно на военный флот, который насчитывал десятки первоклассных военных кораблей. Для переброски войск и снаряжения у Франции не хватало судов общим водоизмещением 500 тысяч тонн, то есть 50 крупных транспортных судов. Только Англия могла их предоставить.

9 июня генерал де Голль вместе со своим адъютантом Жоффруа де Курселем и начальником дипломатической канцелярии главы

правительства Роланом де Маржери прилетел в Лондон. После Франции, охваченной сражениями, паникой, дымом пожарищ, со всей ее трагической обстановкой разгрома, облик воскресного Лондона, еще не затронутого войной, поражал покоем и безмятежностью. В тот же день де Голля принял премьер-министр Великобритании Черчилль. Это была их первая встреча. В глазах де Голля, делавшего свои первые шаги на большой политической арене, Черчилль выглядел гигантом...

Позднее де Голлю придется испытать немало тяжелых переживаний по воле этого, как говорил де Голль, «великого поборника великого дела и великого деятеля великой истории». И тогда из уст де Голля будут вырываться совсем иные характеристики знаменитого британского государственного деятеля.

Собственно, уже первый контакт де Голля с Черчиллем ничего не дал ему, кроме разочарования. Британский премьер явно скептически отнесся к заверениям о решимости Франции продолжать войну. Он категорически отказался послать ей на помощь основные силы английской авиации. Обещав кое-какие мелочи, Черчилль ясно дал понять, что в данный момент Англия не может вести совместные военные действия с Францией. Таким образом, миссия де Голля не имела успеха, да и не могла его иметь, ибо трудно было ожидать, чтобы Англия бросила свои силы на помощь союзнику, который сам не хотел сражаться.

Вечером того же дня де Голль вернулся в Париж. Аэродром Бурже, на котором приземлился его самолет, только что бомбили немцы. Ночью де Голль был у Поля Рейно и узнал, что немцы непрерывно наступают, а Парижу угрожает окружение. Де Голль, естественно, снова предложил свой план переезда в Северную Африку, но его слушали не очень внимательно. В правительственных кругах Парижа царили замешательство и паника. «...Государственная машина крутилась в обстановке полнейшего хаоса... все это производило впечатление какой-то бессмысленной, никому не нужной фантазмагии... 10 июня наступила предсмертная агония. Правительство должно было выехать из Парижа вечером. Отступление на фронте ускорило. Италия объявила нам войну. Теперь неизбежность катастрофы не вызывала сомнения. Однако руководителям государства вся эта трагедия казалась тяжелым сном. Временами создавалось впечатление, что падение Франции с высоты исторического величия в глубочайшую бездну сопровождается каким-то демоническим смехом».

10 июня около 6 часов вечера де Голль сидел у Рейно, когда в кабинет премьера буквально ворвался Вейган со словами, что он имеет важное сообщение. После этого он выложил на стол свою записку, смысл которой сводился к тому, что, по его мнению, сражение проиграно и надо капитулировать, иначе Франции угрожает «советизация». «Но ведь есть и другие возможности», — заметил де Голль. Вейган с иронией спросил его: «Вы хотите что-то предложить?» «Правительство не предлагает, а приказывает. И я надеюсь, что оно прикажет», — ответил резко де Голль. Увы, приказывать было некому, ведь де Голль был всего лишь заместителем министра, тогда как премьер Рейно пустил все на самотек.

Шли последние часы пребывания во французской столице французского правительства. Де Голль требовал оборонять столицу и предлагал назначить начальником гарнизона решительного человека. Он назвал кандидатуру генерала Делаттра, недавно отличившегося в боях.

Однако Вейган объявил Париж «открытым городом», а правительство Рейно, согласившись с этим, готовилось бежать. Единственное, что его тревожило, это опасность народных волнений. Поэтому спешили как можно быстрее отдать великий город немцам, чтобы те обеспечили «порядок».

Около полуночи 10 июня де Голль и Рейно сели в машину и выехали из Парижа. Дороги были забиты беженцами и отступавшими войсками. Только на рассвете приехали в Орлеан и из городской префектуры позвонили главнокомандующему, находившемуся в Бриоре. Оказалось, что Вейган срочно просил приехать к нему Черчилля. «Как? — возмутился де Голль, обращаясь к Рейно. — Вы позволяете, чтобы главнокомандующий по собственной инициативе вызывал английского премьер-министра? Разве вы не видите, что генерал Вейган занят отнюдь не осуществлением оперативного плана, а проведением в жизнь политики, которая расходится с политикой вашего правительства? Неужели вы намерены оставить его на прежнем посту?» Рейно согласился и заявил, что он смецает Вейгана и немедленно едет к его преемнику генералу Хюнтцигеру. Но когда подали машину, премьер раздумал ехать и сказал, что лучше де Голлю поехать одному. С большим трудом, двигаясь по забитым дорогам в необычно густом тумане, де Голлю удалось найти Хюнтцигера, получить его согласие и добраться до Бриора, где

Рейно ждал Черчилля. Де Голль сообщил премьеру о выполнении своей миссии, но тот дал понять, что теперь он уже не намерен смещать Вейгана...

Прибыл Черчилль, и начались трехчасовые бесполезные переговоры. Вейган требовал прекращения бессмысленного сопротивления. Петэн его решительно поддерживал, а Рейно твердил, что Франция не прекратит борьбы, давая одновременно понять, что он не намерен расставаться с Вейганом и Петэном. Черчилль в ответ на просьбы о помощи заявил, что «если французская армия сможет продержаться до весны 1941 года, то 20–25 английских дивизий будут снова находиться в ее распоряжении». Поскольку судьба Франции решалась в ближайшие дни, то, как заметил Рейно, обещание Черчилля прозвучало подобно предложению умирающему от жажды в центре Сахары подождать дождя. В конечном счете выяснилось, что Черчилля интересует только вопрос о судьбе французского флота и французских колоний после прекращения сопротивления Франции.

Затем все вышли в салон, ожидая, когда накроют стол. В этот момент де Голль подошел к Черчиллю и заговорил с ним. Когда пригласили к столу, Черчилль громогласно объявил, что у него с де Голлем был очень интересный разговор и что генерал должен сесть рядом с ним. Разговор между ними продолжался. О чем же шла речь? Де Голль в своих мемуарах по этому поводу пишет: «Я оказался рядом с Черчиллем. Наш разговор укрепил мое убеждение в том, что это человек непреклонной воли. Черчилль, в свою очередь, несомненно, понял, что обезоруженный де Голль не стал от этого менее решительным».

Последняя загадочная, но вместе с тем многозначительная фраза позволяет в свете последующих событий предполагать, что за обедом в замке Мюге произошел очень важный, быть может исторический, обмен мнениями.

12 июня де Голль провел в замке Бове за разработкой плана эвакуации в Северную Африку. Очутившись впервые за последнее время в уединении, де Голль мог поразмыслить над последними событиями, над тем, что разрабатываемый им план, видимо, и не потребует. Закончив работу, де Голль отправился в Шиссе, где была резиденция Рейно. Премьер вернулся в 11 часов вечера после заседания совета министров в Канже, на которое де Голль не был приглашен.

В эти четыре дня, с 10 по 14 июня, никто во Франции толком не знал, где же находится правительство, которое разбрелось по разным замкам Турени, разбросанным в долине Луары на десятки километров друг от друга. Министры пользовались случайными средствами связи, вплоть до уличных автоматов, телефонов в кафе. Часто правительственные машины плутали по незнакомым дорогам. Никакой точной информации министры не получали и не знали о главном, то есть о том, как идут сражения. Вейган лишь дезинформировал правительство своими докладами. Ясно было только, что поражение неминуемо, что вопрос лишь в том, каким путем идти к нему и где спустить флаг Франции. Государственный корабль шел ко дну в кромешной тьме.

Только в 11 часов вечера 12 июня де Голль дождался Рейно, приехавшего вместе с Бодуэном, одним из единомышленников Петэна и Вейгана. Сели ужинать, и де Голль немедленно завел речь о переезде в Северную Африку. Но его собеседники желали говорить только о переезде правительства в Бордо или в Кемпер, в Бретань. Де Голль еще раньше высказывался за Кемпер, ибо поддерживал идею «бретонского бастиона». Дело в том, что немцы все равно должны были занять Бретань и тогда правительству пришлось бы бежать в Англию или Северную Африку, то есть продолжать войну. Но Петэн, Вейган и Бодуэн настаивали на Бордо. Этот вариант означал капитуляцию. Утром 13-го решили ехать в Бордо. Надежды де Голля на продолжение борьбы исчезали у него на глазах.

Он вернулся в замок Бове, и тут ему позвонили и сообщили, что через некоторое время в Туре в здании префектуры состоится новое совещание между Рейно и Черчиллем, который снова прилетит во Францию. Почему Рейно, с которым он провел несколько часов, умолчал об этом, хотя связи с Англией были в непосредственном ведении де Голля? Он немедленно выехал в Тур.

Де Голль прибыл как раз в тот момент, когда французские министры ждали ответа на свой вопрос о том, согласна ли Англия освободить Францию от обязательства не заключать сепаратного перемирия. И вот английские министры вошли, Черчилль опустился в кресло, и наступила минута тяжелого молчания. Британский премьер, как всегда с сигарой в зубах, медленно и грустно заговорил по-французски о том, что он понимает положение Франции, что Англия в любом случае не прекратит

борьбы, даже если останется одна. Но условием своего согласия на сепаратное перемирие он поставил категорическое требование: не передавать французский флот немцам. Ему немедленно обещали это...

Совершенно подавленный де Голль возвратился в Бове. Ясно, что правительство идет к капитуляции. Де Голль решил направить Рейно просьбу об отставке. В этот момент его вызвал министр внутренних дел Жорж Мандель⁴, которого предупредили о намерении генерала де Голля. Этот бывший сотрудник Клемансо был сторонником продолжения войны, и он в крайне серьезном тоне советовал де Голлю подождать, ибо события еще могут принять неожиданный оборот. «Во всяком случае, — говорил Мандель, — мировая война только начинается. Вам, генерал, еще предстоит выполнить большие задачи. Причем среди всех нас вы имеете преимущество человека с безукоризненной репутацией. Стремитесь лишь к тому, чтобы действовать в интересах Франции, и помните, что, если к этому представится случай, ваша нынешняя должность сможет вам многое облегчить».

Генерал де Голль решил подождать с отставкой, ибо то, что говорил опытный и умный политик, подтверждало правильность его собственных намерений и планов. До сих пор де Голль, несмотря на свой довольно скромный пост в кабинете, упорно пытался оказать влияние на события, добиваясь от Рейно продолжения борьбы, отказа от курса на капитуляцию, которой добивались Вейган и Петэн. Теперь уже не было сомнений в неудаче его усилий. Но он продолжает действовать с еще большей целеустремленностью и, что особенно важно, с большей самостоятельностью. Теперь он уже ни на кого не рассчитывает. Он надеется на себя.

14 июня 1940 года де Голль, по примеру других членов правительства, едет, вернее пробирается с трудом, по забитым дорогам в Бордо. Как раз в это время военный губернатор Парижа Денц по приказу правительства сдает столицу немцам...

Вечером 14-го де Голль добирается до Бордо, где царил чудовищная неразбериха, усиливаемая бомбежками немецкой авиации. Генерал заявляет Полю Рейно: «Если вы останетесь здесь, то вас захлестнет волна поражения. Необходимо как можно скорее эвакуироваться в Алжир. Готовы вы к этому или нет?» «Да!» — говорит Рейно. «В таком случае я лично должен срочно направиться в Лондон, чтобы договориться с англичанами о...

транспортировке. Я отправляюсь туда завтра. Где я найду вас по возвращении?» «В Алжире», — отвечает премьер, продолжая шахматную игру на двух досках. А де Голль? Он уже явно не верит ни одному слову Рейно... Решено, что де Голль выедет в Бретань, чтобы выяснить состояние средств переправы, а оттуда в Англию.

Перед отъездом де Голль вместе с адъютантом наспех обедает в ресторане отеля «Сплендид». Здесь он последний раз видит Петэна и молча приветствует его. В ответ маршал, не говоря ни слова, пожимает руку де Голлю. Ночью, по дороге в Бретань, де Голль размышляет о судьбе маршала, которого некогда он так высоко ценил. Ему приходит на ум аналогия: Петэн поступает точно так, как действовал Тьер, который после поражения Франции в 1870 году с помощью пруссаков расправился с Коммуной. Главная причина роковой судьбы 84-летнего маршала, по мнению де Голля, в том, что годы подточили его: «Старость — это крушение. И раз уж нам суждено было испить чашу до дна, старость маршала Петэна должна была символизировать крушение Франции».

В Бретани де Голль встречается с префектами, адмиралами, генералами и выясняет возможности обороны этого района и условия для эвакуации морем. Затем он едет в Карантек, где находилась его семья: жена, сын Филипп, дочери Элизабет и Анна. Он провел с ними лишь несколько минут и сказал мадам де Голль: «Дела очень плохи. Я отправляюсь в Лондон, возможно, мы будем продолжать борьбу в Африке. Однако, я думаю, более вероятно, что все рухнет. Я предупреждаю вас, чтобы вы были готовы уехать по первому сигналу».

Во второй половине дня де Голль уже на борту миноносца «Милан», который должен доставить его в Плимут. В море вышли ночью. Де Голль молча стоял на мостике рядом с командиром и вдруг задал удивленному моряку странный вопрос: «Вы согласились бы сражаться под британским флагом?»

16 июня де Голль прибыл в Лондон и остановился в гостинице «Гайдпарк». Скоро пришли КORBЭн, посол Франции в Лондоне, и Жан Моннэ, коньячный фабрикант, миллионер и инициатор всевозможных проектов совместной международной деятельности банков и крупнейших фирм. Утром этого дня де Голль принимает первое самостоятельное решение без ведома правительства. Из Америки в Бордо шел пароход «Пастер» с грузом оружия.

Генерал де Голль приказал изменить маршрут судна и направить его в один из британских портов.

Затем Жан Моннэ изложил ему свой проект слияния Англии и Франции в одно государство с общим правительством, парламентом, гражданством, армией, флотом и т. п. Трудно было вообразить что-либо более противоречащее взглядам де Голля на нацию как высшую ценность. Но поразмыслив, де Голль решил предложить фантастический план Черчиллю, чтобы тот официально выдвинул его. Де Голль сделал это во время завтрака с Черчиллем в «Карлтон Клуб». Британский премьер согласился, хотя не верил в эту затею. А вдруг? Англия приобрела бы тогда одним махом огромные французские колонии и флот, поскольку оккупированная немцами Франция их не удержит.

Вечером де Голль, находясь на Даунинг-стрит, в резиденции премьера, по телефону диктует Рейно грандиозное британское предложение, которое тот должен передать на рассмотрение французского совета министров. Де Голль объяснял все это впоследствии как попытку оказать моральную поддержку Рейно, помочь ему продолжать войну. Объяснение, по меньшей мере, странное, ибо правительство Рейно встало перед дилеммой: либо принять английское предложение, то есть отдать все Англии — колонии, флот, даже флаг Франции (территория метрополии при этом, естественно, будет оккупирована немцами), либо принять предложение Петэна и Вейгана о перемирии, в результате которого Франция сохранит формально самостоятельное существование, колонии, даже основную часть территории метрополии. Ясно, что условия второй капитуляции даже легче! «Моральная поддержка» резко усилила шансы Вейгана и Петэна.

Между тем многое по-прежнему оставалось неясным. Конечно, уже существовала принципиальная договоренность с Черчиллем о том, что де Голль в случае капитуляции Франции останется в Англии. Позднее генерал признался в одном интервью, что между ним и британским премьером «согласие было достигнуто сразу, сначала в Лондоне, затем в Бриоре и после в Туре». Но ничего нельзя было предпринять, не зная намерений правительства Рейно. Вдруг он все же надумает уехать в Лондон, как он обещал? Приходилось снова лететь в Бордо.

В половине десятого вечера самолет приземлился на аэродроме «Мариньяк» в Бордо. Де Голля встретили два сотрудника его канцелярии и тут же сообщили ему об отставке Поля Рейно

и о поручении маршалу Петэну сформировать правительство. Много прояснилось, но необходимо еще было встретиться с Рейно и получить документы для выезда семьи.

Поль Рейно, который избавился от ответственности, пустив по ветру независимость, честь, достояние Франции, произвел на де Голля впечатление человека, почувствовавшего облегчение. Тем проще было де Голлю сообщить Рейно о своем решении уехать (вернее, бежать) в Лондон. Бывший премьер, которому уже нечего было терять, пока еще не передал своих полномочий Петэну, и он охотно выдал де Голлю 100 тысяч франков из секретных фондов. В Карантек семье де Голль немедленно выслали документы, необходимые для отъезда в Англию.

После разговора с Рейно де Голль встретился в отеле «Монтре» с английским послом Кэмпбеллом⁵ и генералом Спирсом. Де Голль сообщил послу, что он немедленно летит в Лондон. Вмешался Спирс и заявил, что самолет, на котором де Голль прилетел в Бордо, может быть использован только с его ведома. Де Голль вспоминал впоследствии: «Он хотел изобразить дело так, что самолет прибыл к нему... Это была наглая ложь». Пришлось звонить Черчиллю. В конце концов вылет назначили на утро следующего дня.

Спирс был руководителем Интеллидженс сервис во Франции, и ему Черчилль поручил подобрать и перебросить в Англию политического деятеля, которого можно было бы использовать как руководителя эмигрантского правительства свободной Франции. Он, естественно, уже знал о намерениях де Голля. Но эта кандидатура не нравилась Спирсу, ибо он считал де Голля недостаточно авторитетным и предвидел трудности, которые возникнут из-за слишком претенциозного поведения генерала. Держа де Голля в резерве, Спирс искал более солидную кандидатуру. Поэтому, когда де Голль, после разговора с Рейно, потребовал немедленного отлета, Спирс под разными предлогами постарался задержаться в Бордо. Он настоял на том, что вылет состоится только на другой день. Ночью Спирс отправился к министру внутренних дел Жоржу Манделю, активному противнику перемирия. Он горячо уговаривал его лететь в Лондон. Мандель соглашался в принципе, но не хотел, чтобы его отъезд походил на бегство, и обещал добраться до Англии самостоятельно через несколько дней.

Что касается де Голля, то ему предстояло провести в Бордо целую тревожную ночь. Необходимо было соблюдать крайнюю осторожность, ибо Петэн и Вейган, уже получившие власть, вряд ли отпустили бы его в Лондон. Опасаясь ареста, он даже думал ночевать на борту английского крейсера. В полночь он появился в университете, где разместились его канцелярия. Де Голль не спал всю ночь, напряженно обдумывая свое решение. Он шел на полный разрыв с прошлым и собирался действовать наперекор традициям и нормам, обычным для людей его происхождения и среды. Ведь завтра его назовут перебежчиком, дезертиром, бунтовщиком. Но он надеялся на историю: она произнесет окончательный приговор. Все зависит от того, кто победит в мировой войне. Он был уверен в неизбежности поражения Германии и победы Англии, к которой наверняка присоединятся Америка и Россия... В ночных сумерках де Голль стоял между колоннами префектуры Бордо с одним из своих сотрудников. Неожиданно, как бы разговаривая сам с собой, он уверенно произнес: «Все совершенно ясно, немцы проиграли войну. Надо возобновить битву».

Наконец наступило утро. Де Голль с лейтенантом Курселем и английским генералом Спирсом прибыли на аэродром. Последние напряженные минуты на французской земле. Но вот самолет в воздухе. Стоило де Голлю задержаться еще на несколько часов, и его судьба могла бы быть иной. Вейган, получив власть военного министра, первым делом спросил, где де Голль. Он пришел в ярость, когда узнал, что генерал улетел в Лондон. Вейган приказал арестовать его, но самолет уже пересек Ла-Манш.

<...>

